

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

С.В.Березкина

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНСКИХ
ИЗДАНИЙ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ
Б.В.ТОМАШЕВСКИМ

Настоящая статья — результат наблюдений, сделанных в ходе работы по подготовке лирики 1824—1829 годов для нового академического Собрания сочинений А.С. Пушкина (работа над этим изданием ведется в стенах Института русской литературы).

Подготовка каждого текста поэта предполагает не только погружение в автограф этого произведения, но и встречу с личностью текстолога, готовившего его для предыдущего академического шестнадцатитомного издания.¹ Этот личностный отпечаток лежит на работах всех крупнейших ученых, в нем участвовавших. Таковы не останавливающийся перед прямым «художественным» вмешательством в текст Пушкина напор С.М.Бонди, изящнейшая, непревзойденная по своему проникновению в суть творческого процесса поэта манера Н.В.Измайлова (считаю подготовленные им черновые тексты в академическом шестнадцатитомнике своего рода шедевром той текстологической школы) и несколько суховатый, без видимого блеска, но жестко выверенный и строго логичный подход Б.В.Томашевского.

Томашевский написал совсем немного комментариев для томов лирики Пушкина. Он привлекался к этой работе лишь в самых исключительных случаях. В процессе издания второго и третьего томов академического Полного собрания сочинений Пушкина (лирика 1817—1836 годов) Томашевскому была предназначена иная роль — он был контрольным рецензентом этих книг. Подготовленные им контрольные рецензии до нас не дошли — в отличие от ответов на них, которые подавались редакцией томов в письменном виде. Эти интереснейшие документы сохранились в составе архива М.А. и Т.Г.Цявловских и ныне хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Знакомство с ответами контрольному рецензенту не позволяет проникнуть в суть весьма острой научной полемики вокруг текстов Пушкина. Ответы представляют собой длинный реестр, состоящий из многих десятков пунктов (их нумерация, по-видимому, соответствует нумерации замечаний в контрольной рецензии), с очень краткими формулировками (например: «Замечание рецензента принято»); при этом название произведения не указывается). Однако очень часто ответ редакции, адресованный Томашевскому, был иным: «Замечание рецензента рассмотрели, но решили оставить без изменений».

Соотношение принятых и не принятых редакцией претензий рецензента заставляет вспомнить слова Бонди, сказанные им в 1957 году на заседании ученого совета Пушкинского Дома, посвященном памяти Томашевского: «<...> а мы с Борисом Викторовичем на пятьдесят процентов по всем вопросам сходились и на пятьдесят процентов расходи-

лись». ² Серьезность этих разногласий проясняет выступление Измайлова, который назвал Томашевского и Бонди центральными фигурами академического издания. ³

Впрочем, о несходстве мнений вокруг текстов Пушкина, которое обнаружилось в ходе подготовки шестнадцатитомника, мы в настоящий момент почти ничего не знаем. Прямой полемики между участниками этого издания в печати практически не было. Почему? Отчасти вследствие трагического урока, полученного ими в результате обсуждения седьмого тома Собрания сочинений Пушкина (драматические произведения). После 1934 года пушкинисты старались не попадаться на эту «наживку» (обсуждение спорных сторон творчества Пушкина), помня о том, что научная (и не научная) «общественность» их выступления без внимания не оставит, осложнив и без того непростую ситуацию с изданием все новыми и новыми далекими от интересов пушкиноведения «директивами». Они работали на результат, отмечая то, что возникало в их отношениях в ходе острых споров вокруг произведений Пушкина. Итог известен: издание состоялось в кратчайшие сроки, став гордостью советской академической школы.

Некоторое представление о характере и объеме мнений Томашевского, не совпадающих с решениями, принятыми в шестнадцатитомном издании, дает подготовленное им малое академическое Собрание сочинений Пушкина в десяти томах. (Конечно, представление весьма скромное, поскольку замечания Томашевского, относящиеся к пушкинским редакциям и вариантам, по сути дела так и канули в Лету: небольшой раздел десяти томника «Из других редакций» вместить их не мог.) Малое академическое Собрание сочинений Пушкина, вобравшее в себя ряд принципиально иных, нежели в шестнадцатитомнике, решений Томашевского, вышло первым изданием в 1949 году (повторено в 1950—1951 годах). Второе, исправленное издание появилось спустя несколько лет (1956—1958). Для настоящей заметки важно отметить время выхода первых трех томов этого Собрания сочинений (корпус стихотворений Пушкина) — 1956 год. ⁴ Последующие третье и четвертое издания малого академического Собрания сочинений Пушкина воспроизводили второе издание (в четвертое коллектив Пушкинской группы ИРЛИ внес небольшие дополнения).

Параллельно со вторым изданием десяти томника Томашевский делал еще одну очень важную пушкиноведческую работу — готовил трехтомник стихотворений Пушкина для Большой серии «Библиотеки поэта». ⁵ Он вышел в 1955 году, вслед за томами лирики малого академического издания Собрания сочинений Пушкина (разница в датах подписания этих книг к печати составляет ровно год).

Сравнение изданий 1955 и 1956 годов приводит к поразительному результату. В ряде случаев Томашевский дал диаметрально противоположные решения одних и тех же текстологических проблем. Приведу примеры, касающиеся лирики 1824—1829 годов.

Во всех изданиях десяти томника (см. Т. 2) стихотворение «Пророк» датировано 8 сентября 1826 года — в «Библиотеке поэта» оно оказалось включенным в михайловский раздел, что указывает на его создание до 3 сентября 1826 года (принципиально важный момент для комментария к «Пророку»). ⁶ Стихотворение «Счастлив, кто избран своенравно...» (1828) приведено в десяти томнике (см. Т. 3) в качестве самостоятельного произведения — в «Библиотеке поэта» оно присутствует лишь в разделе «Из других редакций» и охарактеризовано как продолжение стихотворения «Наперсник». ⁷ Стихотворение «Будь подобен полной чаше...», датировавшееся в то время 1826 годом, приведено в «Библиотеке поэта» без заключительного фрагмента, начинающегося словами «Он мне ровесник, он так мил...». Далее я приведу еще один, наиболее яркий, с моей точки зре-

изданиях середины XIX века, «Клеопатра» в них вновь не была представлена в качестве самостоятельного произведения (корпус стихотворений был подготовлен Т.Г.Цявловской).¹⁰

Что же послужило основой для решения Томашевского о включении в подготовленный им десяти томник ранней редакции «Клеопатры»? Обосновывая его, исследователь указывал в комментарии, что осуществлявшаяся Пушкиным в 1828 году «переработка (стихотворения “Клеопатра”. — С. Б.) осталась незаконченной».¹¹ При этом имелась в виду недоработанность беловой рукописи (ПД 907; здесь и далее все ссылки на фонд рукописей Пушкина в Рукописном отделе Института русской литературы даются в тексте. — С. Б.), где фрагмент, начинающийся словами «Клянусь... о мать наслаждений...» (клятва Клеопатры), отмечен значком переноса, не повторенным Пушкиным в том месте, куда он намеревался его вставить. Начиная с Жуковского издатели помещали клятву Клеопатры в конце произведения. Попробуем выяснить, было ли правильным это решение.

Первоначальная редакция 1828 года (до момента, когда в рукописи появился значок, свидетельствующий о намерении Пушкина изменить композицию стихотворения) имеет признаки завершенного произведения (на этом этапе композиция редакции 1828 года соответствовала развитию сюжета в тексте, написанном в 1824 году),¹² в то время как перенос клятвы Клеопатры в конец стихотворения лишил его этого качества. «Клеопатра» становилась незаконченной, и Жуковский (а вслед за ним и Бонди) постарался сгладить это, присоединив к ее тексту записанный на отдельном листке отрывок «И вот уже сокрылся день...» с описанием «золотого ложа» египетской царицы (собственно, для оправдания этой контаминации и производилась ими перестановка фрагмента «Клянусь... о мать наслаждений...» в конец произведения). Текст получился очень эффектным, однако со стороны Томашевского он вызвал самые решительные возражения.

Протест был выражен им в статье «Текст стихотворения Пушкина “Клеопатра”». В ней Томашевский доказывал, что работу над редакцией 1828 года поэт завершил.¹³ В тексте «Клеопатры» Томашевский указал место спорного фрагмента, объяснив недоработанность рукописи следующим обстоятельством: для того чтобы сделать в ней отметку о присоединении клятвы Клеопатры к ее первой речи (вызов на страстный «торг», обращенный к толпе поклонников), Пушкину нужно было перевернуть лист ПД 907; в ожидании, пока высохнут чернила, он продолжил работу по исправлению текста, а потом, по-видимому, забыл о своем намерении.¹⁴ Текст «Клеопатры» в академическом издании, подготовленный Бонди (III, 130—132), был охарактеризован Томашевским как «совершенный редакторский произвол»¹⁵ (это, насколько мне известно, самые резкие слова о текстологической работе Бонди, появившиеся в печати). Сомнительная, с точки зрения Томашевского, расшифровка поправок белового автографа 1828 года усугублялась присоединением к нему отрывка «И вот уже сокрылся день...» (автограф: ПД 215), который относился не к 1830 году (судя по тону статьи Томашевского, это не было секретом для Бонди в момент работы над комментарием к стихотворению для третьего тома большого академического издания), а к 1835-му, когда Пушкин фактически отказался от замысла «Клеопатры» как самостоятельного произведения.¹⁶ В 1835 году текст так называемой «поэмы о Клеопатре», заново написанный и лишь в отдельных сюжетных деталях совпадающий с замыслом созданного ранее стихотворения, должен был войти в произведение большой формы, предполагавшей разбивку текста поэмы посредством прозаических вставок (повесть «Мы проводили вечер на даче...», 1835).

иния, пример противоречащих друг другу решений Томашевского в его последних изданиях Пушкина.

Но сейчас хотелось бы сформулировать суть проблемы, интересующей меня как автора настоящей статьи в первую очередь. С каким из изданий Пушкина связана «последняя воля» Томашевского-текстолога? Или ее, этой «последней воли», не было? Может быть, урок, данный нам Томашевским в 1955—1956 годах, свидетельствует о том, что текстология — наука индифферентная и можно практически одновременно по-разному печатать и комментировать одни и те же тексты Пушкина?

Вопрос о соотношении академического десятитомника и трехтомника «Библиотеки поэта» поднимался современными исследователями в ходе устного обсуждения. Высказывалось такое мнение: поскольку первые тома десятитомника были сданы в печать и вышли в свет позднее «Библиотеки поэта», то, значит, готовя их, Томашевский просто отказался от решений, предложенных им на страницах трехтомника 1955 года. Казалось бы, это рассуждение верно, однако при таком подходе, прежде всего, поражает скорость, с которой произошла перемена принципиальных текстологических решений Томашевского. В 1949—1951 годах ученый предложил одни, в 1955-м — другие, а в следующем году — не просто новые, а старые, возвращающие издание к тому, что было сделано им в 1949—1951 годах. Такой подход к изданию пушкинских сочинений не вяжется с представлением о личности Томашевского-текстолога. Да, он менял, и неоднократно, свои решения в отношении текстов Пушкина на протяжении многолетней (в течение нескольких десятилетий!) деятельности по их изданию. Но к книгам, вышедшим в 1955 и 1956 годах, это отношения не имеет. Суть того, что произошло с ними, помогла уяснить история публикации Томашевским стихотворения Пушкина «Клеопатра», на которой я и хотела бы остановиться.

Вопрос о принципах публикации стихотворения «Клеопатра», при жизни Пушкина не печатавшегося, и источниках его текста (выбор редакции — 1824 или 1828 годов, а также предполагаемое продолжение стихотворения) представляет собой одну из самых сложных текстологических проблем пушкинских изданий. Решение, найденное 1837 году В.А. Жуковским, сделало традиционным — вплоть до наших дней — включение второй редакции произведения в повесть «Египетские ночи» (1835),⁸ надолго определив отсутствие «Клеопатры» как самостоятельного стихотворения в корпусе сочинений Пушкина.

В «Египетских ночах» текст подается в виде стихотворной импровизации итальянца на тему «Клеопатра и ее любовники», в автографе повести Пушкиным не представленной. В основной корпус стихотворений поэта «Клеопатра» попала не сразу (1880-е годы),⁹ причем это была все та же вторая ее редакция. Положение изменилось в 1930-е годы, когда в шеститомных собраниях сочинений Пушкина (приложение к журналу «Красная нива»; издания, вышедшие в «Academia» и Государственном издательстве художественной литературы) стали печатать «Клеопатру» в отделе 1824 года по тексту первой редакции, оставляя вторую за «Египетскими ночами».

В большом академическом Собрании сочинений Пушкина было принято иное решение: вновь в корпусе стихотворений поэта появилась вторая редакция, включенная в отдел 1828 года (публикация была осуществлена Бонди). С этим решением не согласился Томашевский, давший в малом академическом Собрании сочинений Пушкина редакцию «Клеопатры», относящуюся к 1824 году (текст 1828 года при этом оказался лишь в составе повести «Египетские ночи»). Последний штрих в картину сложностей, связанных с этим стихотворением, внесли десятитомные издания, вышедшие после малого академического Собрания сочинений Пушкина. Как и в

изданиях середины XIX века, «Клеопатра» в них вновь не была представлена в качестве самостоятельного произведения (корпус стихотворений был подготовлен Т.Г.Цявловской).¹⁰

Что же послужило основой для решения Томашевского о включении в подготовленный им десяти томник ранней редакции «Клеопатры»? Обосновывая его, исследователь указывал в комментарии, что осуществлявшаяся Пушкиным в 1828 году «переработка (стихотворения “Клеопатра”. — С. Б.) осталась незаконченной».¹¹ При этом имелась в виду недоработанность беловой рукописи (ПД 907; здесь и далее все ссылки на фонд рукописей Пушкина в Рукописном отделе Института русской литературы даются в тексте. — С. Б.), где фрагмент, начинающийся словами «Клянусь... о мать наслаждений...» (клятвы Клеопатры), отмечен значком переноса, не повторенным Пушкиным в том месте, куда он намеревался его вставить. Начиная с Жуковского издатели помещали клятву Клеопатры в конце произведения. Попробуем выяснить, было ли правильным это решение.

Первоначальная редакция 1828 года (до момента, когда в рукописи появился значок, свидетельствующий о намерении Пушкина изменить композицию стихотворения) имеет признаки заверщенного произведения (на этом этапе композиция редакции 1828 года соответствовала развитию сюжета в тексте, написанном в 1824 году),¹² в то время как перенос клятвы Клеопатры в конец стихотворения лишил его этого качества. «Клеопатра» становилась незаконченной, и Жуковский (а вслед за ним и Бонди) постарался сгладить это, присоединив к ее тексту записанный на отдельном листке отрывок «И вот уже сокрылся день...» с описанием «золотого ложа» египетской царицы (собственно, для оправдания этой контаминации и производилась ими перестановка фрагмента «Клянусь... о мать наслаждений...» в конец произведения). Текст получился очень эффектным, однако со стороны Томашевского он вызвал самые решительные возражения.

Протест был выражен им в статье «Текст стихотворения Пушкина “Клеопатра”». В ней Томашевский доказывал, что работу над редакцией 1828 года поэт завершил.¹³ В тексте «Клеопатры» Томашевский указал место спорного фрагмента, объяснив недоработанность рукописи следующим обстоятельством: для того чтобы сделать в ней отметку о присоединении клятвы Клеопатры к ее первой речи (вызов на страстный «торг», обращенный к толпе поклонников), Пушкину нужно было перевернуть лист ПД 907; в ожидании, пока высохнут чернила, он продолжил работу по исправлению текста, а потом, по-видимому, забыл о своем намерении.¹⁴ Текст «Клеопатры» в академическом издании, подготовленный Бонди (III, 130—132), был охарактеризован Томашевским как «совершенный редакторский произвол»¹⁵ (это, насколько мне известно, самые резкие слова о текстологической работе Бонди, появившиеся в печати). Сомнительная, с точки зрения Томашевского, расшифровка поправок белового автографа 1828 года усугублялась присоединением к нему отрывка «И вот уже сокрылся день...» (автограф: ПД 215), который относился не к 1830 году (судя по тону статьи Томашевского, это не было секретом для Бонди в момент работы над комментарием к стихотворению для третьего тома большого академического издания), а к 1835-му, когда Пушкин фактически отказался от замысла «Клеопатры» как самостоятельного произведения.¹⁶ В 1835 году текст так называемой «поэмы о Клеопатре», заново написанный и лишь в отдельных сюжетных деталях совпадающий с замыслом созданного ранее стихотворения, должен был войти в произведение большой формы, предполагавшей разбивку текста поэмы посредством прозаических вставок (повесть «Мы проводили вечер на даче...», 1835).

В соответствии с положениями, изложенными в статье 1955 года, текст «Клеопатры» в редакции 1828 года был опубликован Томашевским в издании «Библиотеки поэта». ¹⁷ Принципиально иначе стал выглядеть в нем и раздел «Из других редакций» стихотворения «Клеопатра». В него была помещена, во-первых, редакция «Клеопатры» 1824 года, а во-вторых, — фрагмент основного текста повести «Мы проводили вечер на даче...» (поэма в стихах и прозе о Клеопатре — в полном объеме), а вслед за ним отрывок «И вот уже сокрылся день...». Исследователь охарактеризовал тексты 1835 года как отражение позднейших попыток переработки Пушкиным сюжета о Клеопатре. Комментарий к стихотворению в издании «Библиотеки поэта» был значительно расширен по сравнению с десятилетником. В нем Томашевский изложил текстологические резоны, связанные с выбором редакции произведения и ее реконструкцией.

Иное решение относительно места «Клеопатры» в составе Собрания сочинений дал Томашевский во втором издании десятилетника. Он поместил первую редакцию стихотворения среди поэтических текстов 1824 года, сопроводив ее все тем же комментарием, где говорится, что редакция 1828 года не была Пушкиным завершена... Невольно возникает вопрос: а может быть, Томашевский спустя *десять* месяцев после подписания к печати сборника со статьей о тексте «Клеопатры» отказался от обоснованного в ней решения? По-видимому, все же нет, поскольку в шестом томе десятилетника в составе «Египетских ночей» Томашевский, меняя текст, представленный в первом его издании, дал редакцию «Клеопатры» в соответствии с выдвинутыми им предложениями по ее реконструкции. ¹⁸ В русле положений статьи 1955 года охарактеризована творческая история «Клеопатры» и в материалах к монографии Томашевского о Пушкине. ¹⁹ Тогда почему же в подготовленных Томашевским томах лирики фигурирует отвергнутая Пушкиным редакция 1824 года взамен завершенного, как полагал исследователь, произведения?

Попробую изложить в связи с этим свое мнение, которое в настоящий момент может быть только предположительным.

«Последняя воля» Томашевского-текстолога была связана, как это ни парадоксально, не с томами издания Пушкина 1956 года. Последним выношенным детищем Томашевского был трехтомник «Библиотеки поэта». Что же касается второго издания десятилетника и перенесения в него Томашевским ряда новых текстологических решений, найденных в ходе подготовки трехтомника стихотворений Пушкина, то вина за это, по-видимому, целиком ложится на издательство, выпускавшее малое академическое Собрание сочинений. Молва, живущая в стенах Пушкинского Дома, и поныне хранит память о том, что самые страшные издательские конфликты были у Томашевского с курировавшим десятилетник А.И. Корчагиным. Из-за отношений с ним работа по исправлению и дополнению десятилетника была, похоже, свернута. По сути дела редактор загубил переиздание Собрания сочинений, и Томашевский просто не смог внести все планировавшиеся им изменения в тексты Пушкина и комментарии к его произведениям. В 1957 году Томашевский, выведенный из себя взаимоотношениями с Корчагиным, уехал в Крым, забыв написать заявление об отпуске. Там он и умер. Поэтому не будет преувеличением сказать, что издание малого академического Собрания сочинений Пушкина — это одна из самых печальных страниц жизни Томашевского.

С сожалением стоит отметить, что издание пушкинских стихотворений, осуществленное Томашевским в 1955 году, пушкинисты вспоминают крайне редко. Упоминания о нем не встречаются в списках условных сокращений авторитетных современных изданий. Может быть, это еще не поздно исправить.

Примечания

- ¹ См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1949.
- ² Б.В.Томашевский: (Стенограмма ученого совета от 3 окт. 1957 г.)/Публ. Я.Л.Левкович//Пушкин: Исследования и материалы. Т. 14. Л., 1991. С. 308.
- ³ Там же. С. 299.
- ⁴ Далее ссылки на малое академическое Собрание сочинений Пушкина даются по изд.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1956—1958.
- ⁵ См.: Пушкин А.С. Стихотворения: В 3 т./Вступ. ст., подг. текста и примеч. Б.В.Томашевского. Л., 1955. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- ⁶ Об этом подробнее см.: Березкина С.В. «Пророк» Пушкина: Совр. проблемы изучения//Рус. лит. 1999. № 2. С. 27—42.
- ⁷ Пушкин А.С. Стихотворения. Т. 3. С. 741. Спорный характер текста «Счастлив, кто избран сравнано...» легко уяснить на примере его публикации в академическом шестнадцатитомнике, где это произведение приведено в качестве продолжения стихотворения «Наперсник» в разделе «Другие редакции и варианты» (см.: III, 661), что объявлено ошибкой в семнадцатом, справочном томе того же издания (С. 25).
- ⁸ Впервые: Современник. 1837. Т. 8. № 4. С. 23—24.
- ⁹ Впервые: Пушкин А.С. Сочинения/Под ред. П.А.Ефремова. Т. 2. М., 1882. С. 19—22.
- ¹⁰ Имеются в виду издания: Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959—1962; Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974—1978.
- ¹¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 425.
- ¹² Ни в одном из изданий Пушкина не приведен текст первоначальной редакции 1828 года (его заменяет описание первоначальной последовательности фрагментов текста). Думается, этот пробел следует восполнить в новом академическом Собрании сочинений Пушкина и воспроизвести этот интереснейший текст.
- ¹³ Уч. зап. ЛГУ. 1955. № 200 (Сер. филол. наук. Вып. 25). С. 216—227. Перепеч.: Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 248—266.
- ¹⁴ Томашевский Б.В. Писатель и книга. С. 263.
- ¹⁵ Томашевский Б.В. Писатель и книга. С. 260.
- ¹⁶ О датировке автографа ПД 215 см.: Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837). М.; Л., 1961. С. 57.— Томашевский полагал, что описание «ложы золотого», данное в автографе ПД 215, относится не к осуществлению клятвы Клеопатры, а к приготовлению рокового пиршества («золотое ложе» как пиршественное ложе, на котором предстоит возлечь царице перед толпою своих поклонников).
- ¹⁷ Пушкин А.С. Стихотворения. Т. 3. С. 464—466.
- ¹⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 386—389.
- ¹⁹ Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837). С. 55—65.